РАЗДЕЛ XXXI. ЭТИКА И ЭСТЕТИКА

Зимбули А.Е.

Благоволение: этический анализ

Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена
(Россия, Санкт-Петербург)

doi: 10.18411/lj-01-2021-236

idsp: ljjournal-01-2021-236

Аннотация

Понятие «благоволение» обозначает такое нравственно-положительное качество, как устойчивое доброжелательство субъекта, противостоящее агрессии, высокомерию, злонамеренности. И хотя данное понятие используется в рассуждениях самых серьёзных мыслителей разных эпох, однако до настоящего времени в отечественных философских словарях и энциклопедиях оно не нашло отражения. Автор исходит из того, что настала пора всмотреться в разноракурсность понятия «благоволение» и те реальные межсубъектные взаимоотношения, которое оно обозначает. Для этого в рамках предлагаемой статьи обозначается типичная ситуация благоволения и поочерёдно кратко этически рассматриваются её ключевые компоненты: *субъект, адресат, внутренние побуждения, внешние стимулы, сферы бытования, переживание, осмысление, поведенческое проявление, результат, отношение*. В дальнейшем уже предстоит вписывать эту многовекторную ситуацию в более широкие контексты взаимоотношений, разворачивающихся в пространстве человеческой культуры, не оставляя её без внимания и не заслоняя ею остальных сторон жизни.

Ключевые слова: благоволение, ситуация благоволения (субъект, адресат, внутренние побуждения, внешние стимулы, сферы бытования, переживание, осмысление, поведенческое проявление, результат, отношение), этический анализ.

Abstract

The concept of “benevolence” denotes such a morally positive quality as the stable cordiality of the subject, opposing aggression, arrogance, and malice. And although this concept is used in the reasoning of the most serious thinkers of different eras, it has not been reflected in the Russian philosophical dictionaries and encyclopedias up to the present time. The author proceeds from the fact that the time has come to look at the different perspectives of the concept of “benevolence” and those real intersubjective relationships that it denotes. To do this, within the framework of the proposed article, a typical situation of benevolence is indicated and its key components are briefly examined in turn: subject, addressee, internal motives, external stimuli, spheres of being, experience, comprehension, behavioral manifestation, result, attitude. In the future, it is already necessary to inscribe this multivector situation into the broader contexts of relationships unfolding in the space of human culture, not leaving it unattended and not overshadowing the rest of life.

Key words: Benevolence, the situation of benevolence (subject, addressee, internal motives, external stimuli, spheres of being, experience, comprehension, behavioral manifestation, result, attitude), ethical analysis.

По мнению одних, со справедливостью связано благоволение к людям; по мнению других, справедливость заключается в том, чтобы властвовал человек более сильный.

Аристотель

Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение.

Лк. 2: 14

Любовь как человеколюбие есть любовь благоволения (Gewogenheit), содействие счастью и радость о счастье других.

И. Кант

[...] Без глубокой любви, доброты сердечной и благодарности к тому, чей закон – милосердие и великое свойство которого – благоволение ко всему, что дышит, – без этого недостижимо счастье.

Ч. Диккенс

БЛАГОВОЛЕНИЕ – очень выразительное и, к счастью, не затасканное в обиходе слово. Его можно встретить в рассуждениях самых серьёзных мыслителей разных школ и эпох. Но, удивительное дело, в современной справочно-философской литературе оно пока не нашло отражения. В «Словаре по этике» – содержательно раскрываются понятия «Благо», «Благодарность», «Благодать», «Благодеяние», «Благородство» [14, С. 31 – 34]. В «Новой философской энциклопедии» – объяснены понятия «Благо», «Благоговение перед жизнью», «Благодарность», «Благоразумие», «Благотворительность» [10, С. 272 – 278]. В издании «Этика: Энциклопедический словарь» приводятся статьи «Благоговение перед жизнью», «Благодать», «Благодарность» (трудно понять, почему вдруг тема «Благодать» забежала там не в порядке алфавитной очереди, но, наверное, на это у составителей были особые причины), «Благодеяние», «Благое вижу, хвалю – но к дурному влекусь», «Благожелательность», «Благоразумие», «Благородный муж», «Благотворительность» [28, С. 41 – 54]. Не буду ломать головы, почему написана статья о благородном муже, но нет статей на темы «Благородная жена», «Благородные дети». Пусть этим интересуются любители гендерной проблематики и прочие защитники прав ребёнка. Для меня гораздо важнее то, что в научном обиходе до чрезвычайности медленно появляются термины, которые объясняли бы общеупотребительные слова: «Благоговение», «Благодетель», «Благодушие», «Благолепие», «Благонадёжность», «Благонамеренность», «Благонравие», «Благополучие», «Благопристойность», «Благоразумие», «Благородство», «Благосклонность», «Благословение», «Благостыня», «Благость», «Благотворение», «Благотворительность», «Благотворность», «Благочестие», «Благочиние». Не сомневаюсь, что естественный ход развития науки этики сам собой будет неуклонно вести к тому, что не только каждое из упомянутых понятий получит чёткое определение, но и будет прописано то, как эти понятия друг с другом соотносятся. Ну, а если опять фокусировать внимание на понятии «Благоволение», то можно заметить, что в Библии оно в разных контекстах употребляется более сорока раз, плюс упоминаются такие его родственные глагольные формы, как «благоволи», «благоволил», «благоволит», «благоволить», «благоволишь» [13, С. 24 – 25]. Не сомневаюсь, эти словоупотребления в Священном писании достойны специального анализа, в данном же контексте достаточно констатировать сам

данный факт, а вдобавок ещё и подчеркнуть-добавить, как то сделал И.Кант, что люди верующие ищут благоволения Божьего [8, С. 66].

Толковые словари объясняют благоволение так: «доброжелательство, благосклонность, доброхотство, добродетель; одобрение, изъявление удовольствия, признательности» [5, С. 91]; «Расположение, доброжелательное отношение; благосклонность» [15, С. 92]; «Доброжелательство, благосклонность» [24]. Искренне верю, что по аналогии с «Национальным корпусом русского языка» [9] раньше или позже возникнет и станет постоянно пополняться «Национальный корпус философской лексики», через который пользователям будет удобно изучать разные трактовки философских понятий по выставленным в открытом доступе текстам разных эпох и разных школ. Только набери в строке поиска слово «благоволение» – и на экране появляются десятки примеров. Не нужно самому копнуть-выискивать примеры по монографиям-журналам-сборникам статей в разных библиотечных и интернет-ресурсах, а можно сразу сконцентрировать усилия на вдумывании, сопоставлении, систематизации и дополнении найденного. Хотя – уже и сегодня особо обижаться на интернет не приходится. В упомянутом «Национальном корпусе русского языка» высвечиваются аж 389 примеров именительного падежа слова «благоволение». Примеров на все вкусы – от императорских указов Петра I, Екатерины II, Павла I, Александра I или цитат из Библии, извлечений из трудов отечественных мыслителей – Григория Сковороды, М.В.Ломоносова, В.Н.Татищева, архиепископов Феофана <Прокоповича>, Платона <Левшина>, В.В.Розанова, классиков литературы – Д.И.Фонвизина, А.П.Сумарокова, А.Н.Радищева, А.Т.Болотова, Н.М.Карамзина, А.С.Пушкина, А.С.Грибоедова, Н.С.Лескова, В.Г.Короленко, Андрея Белого, К.И.Чуковского, И.А.Бунина, Л.М.Леонова, Ю.Н.Тынянова, М.М.Пришвина, Ю.С.Нагибина, деятелей разных сфер культуры – С.Е.Десницкого, Н.И.Новикова, И.М.Долгорукова, А.И.Голицына, П.Н.Милюкова, Д.И.Менделеева, В.О.Ключевского, Л.Д.Троцкого, А.И.Деникина, Е.Л.Шварца, Н.К.Рериха, А.Н.Бенуа, Е.В.Тарле, А.А.Игнатъева, Анатолия Рыбакова, Ю.О.Домбровского, Эдварда Радзинского, Сергея Есина [9]... Не слабый список, да! Позвольте в этот раз не всматриваться детально в конкретные контексты словоупотребления, а ограничиться пока самой констатацией: слово в ходу, богато смыслами и живёт в русском языке уже долгие века. И на этой фазе всматривания, пожалуй, самое время обозначить разноракурсность понятия «благоволения», его соседство и смысловое родство с такими, например, понятиями, как:

«амнистия», «бескорыстие», «бесхитрость», «благодарность», «благословение», «вежливость», «великодушие», «вера», «внимание», «гостеприимство», «доверие», «доброжелательство», «дружелюбие», «жизнеутверждение», «забота», «любовь», «милость», «надежда», «отзывчивость», «открытость», «почтение», «пощада», «приветливость», «прощение», «радушие», «сопереживание», «сочувствие», «такт», «уважение», «щедрость», «эмпатия». И противостоит оно – агрессии, высокомерию, жадности, зависти, занудству, злобе, злокозненности, злонамеренности, злопамятности, злорадству, коварству, мелочности, мстительности, неблагодарности, недоверию, неуважительности, нытью, равнодушию, фальши, цинизму, эгоизму. Вероятно, что-то я упустил. Но и без этого, согласитесь, довольно многообещающее смысловое поле обнаруживается. В том числе вряд ли вызывает сомнение то, что благоволение бывает очень разнообразным, разнокачественным, разнонаправленным и разнопроявляемым.

Понятно, как невозможно в одной, ограниченной объёмом, публикации привести даже с краткими комментариями все библейские сюжеты, в которых упоминается интересующее нас понятие, так и невозможно привести здесь все 389 примеров из «Национального корпуса русского языка» – но никто не мешает нам сейчас обозначить универсальную структуру ситуации благоволения, и дать по поводу каждого из выделенных в ней компонентов короткие пояснения. Давайте, попробуем именно это и сделать. Итак, основные компоненты ситуации добровольного, судя по всему, это: *СУБЪЕКТ, АДРЕСАТ, ВНУТРЕННИЕ ПОБУЖДЕНИЯ, ВНЕШНИЕ СТИМУЛЫ, СФЕРЫ БЫТОВАНИЯ, ПЕРЕЖИВАНИЕ, ОСМЫСЛЕНИЕ, ПОВЕДЕНЧЕСКОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ, РЕЗУЛЬТАТ, ОТНОШЕНИЕ*.

СУБЪЕКТ – вряд ли есть смысл расширительно истолковывать сферу морали и усматривать субъекта благоволения в сытом-сонном льве или гепарде. Неспроста авторитетнейший этик И.Кант пишет нам не про львов-коров-собак-крокодилов, а про максимум благоволения = долг каждого человека «благотворить, то есть по мере возможности помогать людям и содействовать их счастью, не надеясь получить за это какое-либо вознаграждение» [7, 472]. Само благоволение немецкий классик кратко и доходчиво определяет как «удовольствие от счастья (благополучия) других» [там же]. То есть, под субъектом благоволения нужно понимать свободного, разумного, вменяемого человека, действующего в одиночку или собравшись в социальные группы: семью, производственный коллектив, партийное объединение, религиозную конфессию, болельщическое сообщество и так далее, включая планетарный и общеисторический масштаб: всё человечество вместе взятое. Кстати, раз уж я заговорил про Канта, могу признаться: сравнительно недавно открылся в его рассуждениях для меня новый, особо светлый смысл, когда я в фундаменте Кантового миропонимания рядом с несколько педантичным категорическим императивом разглядел душевность благоволения. В качестве нравственно значимых характеристик для данного компонента важны *ДОСТОИНСТВО, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ*, в случае группового субъекта – *СОЛИДАРНОСТЬ*.

АДРЕСАТ. В самом общем виде можно говорить об отношении благоволения к своим, чужим, знакомым, незнакомым, близким, дальним. О благоволении, так сказать, по горизонтали (к равным себе) – и по вертикали (к более сильным и к более слабым). Тёплые-дружественные чувства люди адресуют буквально кому угодно. Случайным попутчикам по автобусу, самолёту; зрителям, пришедшим на тот же концерт или спектакль; болельщикам своей любимой команды или к болельщикам команды-конкурента (но ведь ценящим тот же вид спорта!); однопартийцам; и самым разным единомышленникам в прошлом и будущем. Что-то мне подсказывает однако, что беспредельного-благостно-доброжелательного отношения к миру не может быть даже у буддийских монахов. Ведь чума, холера, коронавирус, а даже и судя по всему, банальный кариес – это всё угроза человеческой жизни, и им надо посылно противостоять. То есть какая-никакая избирательность в этом деле требуется. Скажем, заботиться о домашних животных – надо. Но комаров, блох или тараканов лучше прогонять чистотой и фумигаторами. Аналогично – доброжелательное, уважительное отношение к однопланетянам не должно нас опускать до вседозволенности, до капитуляции перед многочисленными видами социального зла: казнокрадами, рэкетирами, разрушителями храмов и карикатуристами, специализирующимися на глумливых изображениях чьих бы то ни было святынь. Что касается разновекторного и преимущественно положительного отношения ко всему окружающему – нелишне высказать ещё два кратких соображения. Первое – о том, что для человека верующего,

при прочих равных условиях, состояние благоволения, как кажется, ближе-доступнее, чем для атеиста. «Выказывай любовь ко всем живым существам, и ты будешь счастлив; ибо когда ты любишь всё, ты любишь Бога, ибо Он есть всё во всём» [2, С. 104]. И второе, более частное, наблюдение вот какое. В Библии не было слова «соблаговолит», но нам-то оно вполне знакомо. И оно относится как раз к ситуациям, в которых субъект по отношению к адресату встаёт в неадекватно высокомерную позицию. Увы, нечто подобное было характерно в целом дворянскому сословию перед 1917-м годом и, аналогично, партийной элите – перед кризисом конца 1980-х. Оба раза это чуть не погубило Россию. Применительно к указанному компоненту логично говорить об **УВАЖЕНИИ** и **СПРАВЕДЛИВОСТИ**.

ВНУТРЕННИЕ ПОБУЖДЕНИЯ у субъекта, разумеется, бывают очень разнообразными. Человек может быть радушным от хорошего воспитания, по причине коммерческого интереса, из страха, что закроют его частный миниотель. Приветливость может быть спонтанной-инициативной и ответной-вынужденной. Доброжелательство может быть подпитано искренним уважением, а может быть внешней стороной лести-подхалимажа-заискивания. Благорасположение к кому бы то ни было может быть следствием каприза-прихоти тирана или красавицы, а то и просто усталости палача. Правда, в чересчур мрачном свете изображать происходящее не нужно. Даже просто набожный рационалист, опасющийся загробной кары, или человек, живущий в сообществе, где гость считается посланцем небес, почти гарантированно не причинят чужаку вреда. Приблизительно такую логику я вижу в рассуждениях Парка Годвина: «Истинный источник бодрости – благожелательность. Душа, постоянно исполненная доброты и сочувствия к людям, всегда будет бодра» [2, С. 90]. Искренне надеюсь, что гениальный текст «Молитвы» Булата Окуджавы мотивирован не расчётом на загробное воздаяние, не боязнью гореть в аду, а приблизительно теми же чувствами, которые двигали Христом, отпустившим грешницу [Ин. 8: 3 – 11]:

«Пока Земля ещё вертится,
пока ещё ярок свет,
Господи, дай же ты каждому,
его у него нет [...]
Пока Земля ещё вертится –
Господи, твоя власть! –
дай рвущемуся к власти
навластовать всласть,
дай передышку щедрому,
хоть на исходе дня.
Каину дай раскаяние...

И не забудь про меня» [11]. Поэт не кару призывает наслать на властолюбца, не пепел горячий на головы грешников, как то нередко звучало на страницах Священного Писания: «Осуди их, Боже, да падут они от замыслов своих; по множеству нечестия их, отвергни их, ибо они возмутились против Тебя» [Пс. 5: 11]; «Сокруши мышцу нечестивому и злему, так чтобы искать и не найти его нечестия» [Пс. 9: 36]; «Ты истребишь плод их с земли и семя их – из среды сынов человеческих» [Пс. 20: 11]; «Но Господь – защита моя, и Бог мой – твердыня убежища моего, и обратит на них беззаконие их, и злодейством их истребит их, истребит их Господь Бог наш» [Пс. 93: 22 – 23]; «Нечестивый увидит это и будет досадовать, заскрежещет зубами своими и истаёт. Желание нечестивых погибнет» [Пс. 111: 10]. Скажу честно: тихо радуюсь, что

живу в двадцатом и двадцать первом веках, а не в библейские времена. Наиболее подходят для данного компонента ситуации нравственные характеристики *ИСКРЕННОСТИ, БЕСКОРЫСТИЯ, СКРОМНОСТИ*.

ВНЕШНИЕ СТИМУЛЫ. Дело в том, что внешние обстоятельства, конечно же, могут как способствовать, так и препятствовать высокоморальным поступкам субъекта, его открытости, его самым что ни на есть альтруистическим установкам. Неспроста ведь говорят: «С волками жить – по волчьи выть». Но ведь потому мы с самого начала рассуждений о ситуации добровольения говорили о свободе субъекта, а не о его жёсткой встроенности в обстоятельства. Тем более – говорят и «Чужой грязью не умоешься». Так что на одни и те же испытания / искушения разные люди реагируют в соответствии с тем, насколько крепки их нравственные устои, или насколько они податливы внешнему влиянию. История учит, что в самые страшные времена оккупации или застоя – многие люди сохраняют духовную чистоту, не поддаются насилию, угрозам, пороку. Не становятся ни стукачами, ни торговцами своей совестью, не идут в полицию, не хлопают в заранее подсказанных местах докладчику или выступающему гастролёру. Выскажу в этом месте мысль, которая наверняка не всем понравится. Дело в том, что волею судеб мне уже много лет доводится заниматься преподавательской и научной деятельностью. У кого конкретно из высокого начальства язык повернулся назвать учительство сферой услуг – я не знаю, но, увы, многие на местах это утверждение проглотили и даже подхватили. Включившись в погоню за пайками грантодателей и фондодержателей. Не буду кивать на соседние факультеты нашего вуза, но доводилось держать книжки, выпущенные там, и, например, утверждавшие, что «памятники российским военачальникам и воинам – порождают дух милитаризма». Кому такая мысль на руку? Явно – тем геополитическим соседям, у кого мы давно сидим в печёнках, и кому было бы гораздо приятнее не дискутировать с нами, а безраздельно пользоваться нашими природными ресурсами. Очень хотелось бы надеяться, что мы все вместе сообща сумеем подобные разрушительные умонастроения исцелить, и обойтись при этом без спецкомиссий, без публичных самообличений иностранных агентов, без ссылок и репрессий. Само оно не нормализуется, нужны именно дружные упорные усилия. В том числе по искоренению болезненных установок «альтерофилии» < от греч. alter = другой + phileo = люблю>, когда каким-то (мягко говоря) чужакам оказывается проще не работать, а ворчать, неустанно бранить своё – и бесконечно восхищаться чужим. Соседскими рецептами еды, фасонами платьев, заморскими мастерами-художниками, иноземными словечками и заграничными способами политического устройства. Этот тип ворчуна-завистника, очевидно, противостоит квасному патриотизму – когда тупо нравится только всё своё. Указанному компоненту наиболее соответствуют такие характеристики, как *ВЫДЕРЖКА, ДОСТОИНСТВО, ПРИНЦИПИАЛЬНОСТЬ, НЕПОДКУПНОСТЬ*.

СФЕРЫ БЫТОВАНИЯ. Выше уже упоминались семья, работа, религиозные и политические, любительские объединения. Можно было бы долго перечислять все места, где человек реализует своё мироотношение – от детского садика и школы до домов престарелых и учреждений ритуальных услуг. Стадионы, музеи, театры, кафе-рестораны, библиотеки, магазины, аптеки, вокзалы, общественный транспорт, сады, парки, улицы, городские бассейны и морские пляжи – а даже и оказавшись наедине с собой дома или в лесу человек не освобождается от основных модусов мироотношения. Он везде способен или по-доброму, или злобно думать об окружающих людях. Восхищаться ими, придирается к ним, обижаться на них, проклинать их или молиться за них. И что нужно подчеркнуть – есть в этом калейдоскопе жизни очень тонкий

момент. От человека все справедливо ждут, что он будет способен проявлять нравственную цельность, самоидентичность. Но с другой стороны разве не ждём мы друг от друга в разных обстоятельствах – *разного!* От любимого человека и от случайного собеседника, от коллеги, закадычного друга, от начальника и от ребёнка люди ждут не одного и того же ровного уважительного отношения, а отчётливой разножанровости. Потому, кстати, и в языке существует целая россыпь вариантов, уже обозначенная чуть выше в этом тексте. Требовательность и подчинение, забота и доверие, щедрость и благодарность, строгость и старательность, озорство и снисходительность друг друга дополняют. Строгой симметрии во взаимоотношениях бывает не так много: продавец – покупатель, актёр – зритель, музыкант – слушатель, футболист – болельщик, политик – избиратель, литератор – читатель, музейщик – посетитель и так далее. Даже в сфере пенитенциарной люди, представляющие полюса общества: злоумышленников и правоохранителей – поставлены в строго определённые культурные рамки, и от них объективно требуется выполнение некоего минимума-минимума человечности. На суде и в местах лишения свободы, как правило, никто друг друга не кусает. Рыцари, вызывающие друг друга на поединок, и дуэлянты – договариваются между собой об условиях дуэли. И даже войны – раньше или позже обязательно заканчиваются. Со вчерашним неприятелем налаживаются взаимопользные отношения. Стало быть, в норме в любых межсубъектных взаимоотношениях сохраняется некий базовый уровень добровольения. В целом, применительно к данному компоненту, от субъекта требуется *СПОСОБНОСТЬ К ПЕРЕКЛЮЧЕНИЮ НА РАЗНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ* и в то же время – *НРАВСТВЕННАЯ ЦЕЛЬНОСТЬ*.

ПЕРЕЖИВАНИЕ, чтобы пока не слишком усложнять себе задачу, рассмотрим только для субъекта. Уже и здесь палитра весьма богата, например: благоговение, благодарность, внимание, восторг, восхищение, гордость, забота, интерес, порыв, симпатия, солидарность, сопричастность, сорадость, сострадание, уважение. А если учесть, что объективно взаимоотношения складываются очень несходно, что адресаты наших эмоций бывают достойны не только восхищения, но и недовольства, гнева – то набор эмоциональных состояний субъекта предстаёт многокрасочным и трудновыразимым словами. Потому-то, бывает, мы так ценим поэтов, что они отыскивают точные, хлёсткие способы описать те сильные, тонкие, смутные, взрывные, тягостные переживания, которые мы обычно затрудняемся чётко высказать.

«Как сердцу высказать себя?

Другому как понять тебя?

Поймёт ли он, чем ты живёшь?

Мысль изречённая есть ложь.

Взрывая, возмутишь ключи, –

Питайся ими – и молчи» [25].

И, пожалуй, чем состояние подлиннее, тем обычному человеку его сложнее назвать и тем более донести до собеседника. Свои способности к вербализации старательно и вполне успешно разрабатывают ораторы, словесники, политики, пиар-специалисты, лохотронщики. Мама, папа, бабушка, дедушка, старшие сестра и брат, сограждане – как правило, обходятся без мастер-классов по культуре чувств, и испытывают то, что испытывают. Любовь, нежность, ревность, досаду, надежду и тому подобное. Это уже потом на исходные переживания могут наслаиваться те состояния, которые характеризуют фазу рефлексии: например, поймав себя на зависти или злорадстве, порядочный человек может испытать чувство неловкости. Так, Махатма Ганди говорил, что «уйдёт с поля битвы, если почувствует ненависть к англичанам» [4,

С. 113]. Ключевой нравственной характеристикой данного компонента, можно полагать, выступает *КУЛЬТУРА НРАВСТВЕННЫХ ЧУВСТВ*.

ОСМЫСЛЕНИЕ, надо сказать, – вовсе не строго обязательный компонент ситуации общения вообще и благоволения в частности. Это только в предельных обобщениях и в состоянии самовосхваления человек себя называет существом разумным, homo sapiens. В обычной повседневной жизни рефлексия включается только время от времени. У меня нет статистики, какую долю времени и в каком проценте действий человеку (мне в частности) свойственно работать мозговыми извилинами. А сколько времени и в каких действиях мы проживаем «на автопилоте» – застывая постель, чистя зубы, расплачиваясь за хлеб-булку в магазине, обмениваясь приветствиями с коллегой, соседом. Но так или иначе, реже или чаще – субъект включается в осмысление происходящего, начинает нравственно оценивать себя и адресата. Соотносить свои и его действия с нормами, принципами, идеалами. И, конечно же, делает это очень по-разному. Ведь разумеется, мы очень несходны. На это обращал внимание ещё Гомер в «Одиссее» [3, С. 145]. Действительно, оказавшись в одной и той же незнакомой ситуации, кто-то будет присматриваться: чем бы тут поживиться, другому интересно, что бы тут раскурочить, третьему – как тут всё устроено. И понятно, для первого, второго и третьего из названных субъектов солидарно-положительные чувства будут вызывать разные люди: соответственно, потенциальные покупатели, пособники в битье окон или посуды, коллеги по науке. Что касается потенциальных покупателей – я делаю ссылку на специалистов [27], а по поводу двух других сюжетов дам коротенькие пояснения. Про битьё посуды однажды попало мне очень занятное признание знаменитого отечественного адвоката, Фёдора Никифоровича Плевако. После выигранного им дела в пользу какого-то купца этот купец пригласил его прокатиться. Привёз куда-то в Замоскворечье. Как оказалось, в большой склад. Зайдя туда, купец взял в углу дубину, и вторую отдал адвокату. Озадаченный Ф.Н. не вдруг понял, что ему предлагают просто бить стоящую на полках посуду. Но постепенно, как он позже признавался, «вошёл я в такой раж и стал с такой яростью разбивать дубиной посуду, что даже вспомнить стыдно. Представьте себе, что я действительно испытал какое-то дикое, но острое удовольствие и не мог уговориться, пока мы с купчиной не разбили всё до последней чашки» [12]. И уже ближе по времени – со слов моего одноклассника (мы учились тогда классе в пятом-шестом) Кости Мельничука – могу поведать следующее. Где-то в Кронштадте детишек и женщин позвали на склад, где нужно было списать устаревающее оптическое оборудование. Им дали в руки молотки, и они били этими молотками по биноклям и чему-то ещё, осуществляя тем самым тщательно продуманную операцию списания. Мне, помню, тогда этот рассказ было слушать очень горестно, но потом чего только не происходило, какие только излишки техники и урожая не уничтожались, в то время как где-то в другой части света люди голодают... Это я к тому опять же, что осмысление – даже когда человек целенаправленно принимается рассуждать – вовсе не обязательно ведёт к сбережению лучшего, к созиданию, ко всё более полному удовлетворению потребностей всё большего числа людей. А уж про науку и говорить не приходится. К сожалению, не факт, что она непременно вбирает в себя самых мудрых-достойных людей, и что они всемерно стремятся к культуротворчеству. Достаточно сослаться на парочку фактов. Платон, пребывавший в полемике с Демокритом, ни разу не упомянул его имя в своих сочинениях. Кант и Гердер, вступив в научный спор, перешли к такой перепалке, которая не украсила бы общение даже базарных торговков. В целом, можно полагать, для данного компонента анализируемой ситуации наиболее существенны такие характеристики, как *НРАВСТВЕННАЯ ОЦЕНКА* и *САМООЦЕНКА*.

ПОВЕДЕНЧЕСКОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ. Когда человеку свойственны благородные порывы, когда он мотивирован добрыми чувствами, то выражаться это может очень по-разному. Уже приветствия, которые на разных языках звучат сходно: «Здравствуйте»,

«Доброе утро», «Здоровеньки были», «Guten Tag», «Доброго вечера», «Bonjour», «Good morning» и тому подобные, – означают буквально добропожелание тому, к кому адресуются. Аналогичное содержание присуще этикетным формулам прощания: «Всего хорошего», «Доброго здоровья», «Счастливого», «Спокойной ночи», «Щасти», «Усяго добрага» и так далее. Причём понятно, что за речевым этикетом и правилами хорошего тона вовсе не так уж обязательно будут стоять уважение-солидарность-доброжелательство-дружелюбие-открытость. За маской благовоспитанности могут вполне таиться высокомерие, холодное равнодушие, умело скрываемое лицемерие, угодничество. На то и существует разница между этикетом и этикой. Этика – призвана всматриваться в суть того, как складываются межчеловеческие взаимоотношения. А этикет лишь предлагает удобные, картинно благовидные формы для этих взаимоотношений. Потому не будем про этикет, а сфокусируем внимание именно на содержании поведения. Причём поведения, диктуемого благоволением. Доброжелательным отношением к окружающим. Совершенно ясно, что такого рода поведение до чрезвычайности разнообразно – мы не просто желаем друг другу доброго утра или хорошего дня, но уступаем места в транспорте, объясняем незнакомцу, как сориентироваться в нашем городе, помогаем слабым, выручаем попавших в беду, занимаемся бессчётными видами полезных и нужных окружающим дел, созиданием, художественным и научным творчеством. И здесь с очевидностью выявляется сущностное качество благоволения – его мера или отступление от неё. Скажем, слепая материнская любовь, подобоострастие перед властью имущими, конформизм, непротivление злу, толерантничание разного рода – всё это извращённые разновидности благоволения. Извращённой, или недоразвитой формой благоволения, очевидно, следует признать эгоизм = неспособность заботиться о ком-то ещё, кроме себя. Почему-то редко звучит очень правильное слово: «эгалитаризм», означающее нацеленность на сочетание уважения к другим с уважением к себе. Очень близко к этому принципу, и, пожалуй, ещё более благородно выглядит принцип соборности, означающий не просто сочетание интересов многих людей, но и готовность посвятить собственные силы совместным высоким целям. Понятно в этой связи, что добровольное может быть ситуативным-кратковременным состоянием, по настроению, или – устойчиво проявляемым усилием. Могу упомянуть в этой связи очень интересного, умного, порядочного, светлого человека – Эльгу Алексеевну Тарасову. Несколько месяцев назад её не стало. Но за те годы, которые она провела на пенсии, ею выпущены несколько небольших книжек, посвящённых всматриванию в жизнь. Назову только некоторые из восемнадцати (!) книг, которые стоят у меня на полке благодаря счастливому стечению обстоятельств, подаривших мне знакомство с автором: «Призвание» (книга о матери), «Мой отец Алексей Куняев», «Человек системы» (о муже), «Это страшное время – война», «Моя семья и Театр юных зрителей», «Жизнь – наш главный учитель», «Моя малая Родина», «Зачем ты живёшь?» [16 – 23]. Уже по самим названиям книг, убеждён, можно представить себе их автора – склонного к честным раздумьям, а не к пустому ворчанию по любому поводу. Спасибо таким людям! Именно благодаря им – идут десятки гуманитарных караванов в Донбасс, Россия во все времена помогает врачами, учителями, специалистами, техникой, лекарствами разным странам мира – не пытаясь на этой помощи «отбить вложенный капитал» или попрекать своими услугами в будущем возможных (да и вполне реальных) неблагодарных. Наиболее важными нравственными характеристиками данного компонента, по всей видимости, следует считать *ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ, ТВОРЧЕСТВО, КУЛЬТУРОТВОРЧЕСТВО, МУДРОСТЬ*.

РЕЗУЛЬТАТ долго описывать нет необходимости – он виден реально. Пусть иной раз и спустя долгое время, но обязательно виден. В спасённых жизнях, в полученном образовании, в реализованных культурных проектах и сбывшихся мечтах. Иногда мне случается наткнуться на краткое описание какого-то происшествия.

Например – как раз сегодня читал такую историю. Человек ждал во дворе свою бабушку – а в соседнем доме возник пожар. И этот совсем не специалист-пожарный помчался спасать трёхлетнего ребёнка из чужой квартиры. Спас – дай Бог ему здоровья, и дай Бог хорошо выстроить жизнь спасённому мальцу. А ещё вспоминается старый фильм «Зайчик», в котором главную роль играл Леонид Быков. Персонаж – неуверенный, почти никчёмный. И вот к концу картины, если верно запечатлелось, идёт он вблизи железнодорожной насыпи – и вдруг видит прямо на путях ребёнка (девочку или мальчика – уже запамятовал). А ребёнок беспечен, не видит не слышит приближающегося поезда. И герой мчится изо всех сил к ребёнку, хватает его, сдёргивает со шпал, прикрывает собой. И пусть паровоз – проехал по соседнему пути. Но внутри героя что-то щёлкнуло-повернулось в очень нужную сторону, положительный смысл кинокартины я тогда уловил именно такой. Герой Быкова не безнадёжен. Он будет настоящим человеком! Разумеется, не всем доводится спасать кого-то из горящего здания, не все пишат книги и доставляют гуманитарную помощь остро в ней нуждающимся соседям. Каждый из нас нужен на своём месте – кондуктор, кассир, дворник, почтальон, гардеробщик, старательный ученик – каждый по-своему занимается жизнеутверждением и культуротворчеством. Здесь ключевые нравственно-значимые характеристики – *СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ, КУЛЬТУРОСООБРАЗНОСТЬ, ДУШЕПОЛЕЗНОСТЬ.*

ОТНОШЕНИЕ. Наконец – об отношении к ситуации, изменённой в результате активности благоволяющего субъекта. Отношении самого субъекта, отношении адресата и отношении окружающих. Предельно коротко: субъект может свою проявленную доброту-заботу-щедрость оценивать скромно-спокойно, не заикливаясь на произошедшем. Таковы многие настоящие герои. Может – свою роль недооценивать или переоценивать. Наверное, переоценивать – хуже. Социальное эхо громче. Встречалась мне интересная восточная притча. Какой-то бедный бедуин, переходя с одного пустынного места на другое, наткнулся на источник воды, который ему очень понравился. На самом деле вода была никудышной, но неизбалованному этому бедуину она показалась райской. И он решил наполнить один бурдюк для себя, а второй – для правителя. Так и сделал, принёс бурдюк в подарок правителю. Попасть к правителю в те времена было проще, и правитель, оценив ситуацию, повелел, чтобы пришедшего наградили и тихо препроводили к тому месту, откуда он пришёл, назначив хранителем источника Райской воды. И пусть он снабжает этой водой каждого путешественника [6, С. 246 – 248]. В этой истории мне очень понравилось решение халифа – не показывать пришедшему воды могучей реки Тибра, не развенчивать его радости от открытия источника. А отблагодарить и занять полезным делом. В пустыне-то проходим этот источник тоже будет казаться райским. Стало быть: субъект – бедуин, адресат – халиф, окружающие-возможные будущие потребители воды из источника – все окажутся довольными. В жизни далеко не все истории заканчиваются так гармонично. Тем полезнее её иметь в виду. Чтобы каждый раз, когда речь заходит о благоволении, стараться искать нравственную меру – и субъекту, и адресату, и всем, кто оказывается к ситуации причастен. Чтобы никому не впадать в многообразные крайности, которых в сфере морали – превеликое множество: безрассудство / трусость, мотовство / скупость, равнодушие / мелочная опека, гордыня / самоуничтожение, неблагодарность / раболепие, придирчивость / попустительство, безответственность / комплекс вины, пустая смешливость / постное занудство и так далее. Наиболее существенными нравственными характеристиками последнего из названных компонентов ситуации, по логике вещей, следует назвать *СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ЛАД, ЖИЗНЕУТВЕРЖДЕНИЕ.*

И не менее важно, получив представление о многомерной и разноректорной ситуации благоволения – соразмерно вписывать её в более широкие контексты

взаимоотношений, разворачивающихся в пространстве человеческой культуры, не оставляя её без внимания и не заслоняя ею остальных сторон жизни.

1. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.4. – М.: Мысль, 1983. – С. 53 – 293.
 2. Высказывания знаменитых людей. – М.: Крон-Пресс, 2000. – 470с.
 3. Гомер. Одиссея: пер. В.Жуковского. – М.: Художественная литература, 1986. – 270с.
 4. Горев А. Махатма Ганди. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Международные отношения, 1989. – 374с.
 5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах. Т. 1 – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. – 699с.
 6. Диккенс, Ч. Приключения Оливера Твиста. – М.: Художественная литература, 1976. – 287с.
 7. Кант И. Критика практического разума. – СПб., Наука, 1995. – 528с.
 8. Кант И. Лекции по этике. – М.: Республика, 2005. – 431с.
 9. Национальный корпус русского языка // <https://ruscorpora.ru/old/search-main.html> – обращение 14.11.20
 10. Новая философская энциклопедия. В 4-х томах. Т.1. – М.: Мысль, 2010. – 742с.
 11. Окуджава Б. Молитва (Пока Земля ещё вертится) // <https://www.culture.ru/poems/14359/molitva-roka-zemlya-eshe-vertitsya> – обращение 30.11.20
 12. Рассказы про Плевако // https://orator.biz/library/speeches/rasskazy_pro_plevako/ – обращение 30.11.20
 13. Симфония на Ветхий и Новый завет. Репринтное издание 1900 г. Часть 1. – СПб.: АО Интерцентр, 1994. – 813с.
 14. Словарь по этике. 6-е изд. – М.: Изд-во политической литературы, 1989. – 448с.
 15. Словарь русского языка: в четырёх томах. Т. 1. – М.: Русский язык, 1981. – 696с.
 16. Тарасова Э.А. Призвание. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2006. – 72с.
 17. Тарасова Э.А. Мой отец Алексей Куняев. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2006. – 37с.
 18. Тарасова Э.А. Человек системы. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2009. – 149с.
 19. Тарасова Э.А. Это страшное время – война. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2010. – 79с.
 20. Тарасова Э.А. Моя семья и Театр юных зрителей. – СПб.: б.и., 2013. – 97с.
 21. Тарасова Э.А. Жизнь – наш главный учитель. – СПб.: б.и., 2015. – 122с.
 22. Тарасова Э.А. Моя малая Родина. – СПб.: б.и., 2015. – 85с.
 23. Тарасова Э.А. Зачем ты живёшь? – СПб.: б.и., 2014. – 78с.
 24. Толковый Словарь Русского Языка // <https://www.vedu.ru/expdic/1769/> – обращение 30.11.20
 25. Тютчев, Фёдор. Silentium! // <https://ilibrary.ru/text/1281/p.1/index.html> – обращение 30.11.20
 26. Шах, Идрис. Караван сновидений. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 463с.
 27. Энциклопедия по экономике // <https://economy-ru.info/info/24508/> – обращение 30.11.20
 28. Этика: Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2001. – 669с.
-